

журналистов... Саша выпустил книгу об отце, что в сутолоке дел, болезней, неприятия издателей видится благородным и ценным. Конечно, помимо журналистики он был одаренным, думаю, от природы преподавателем, о чем свидетельствуют мастер-классы Александра Кармена в МГИМО».

От товарищей по «Латинской Америке» добавим, что Александр Романович пять лет (с 2004 по 2009 г.) был членом редсовета и заместителем главного редактора нашего журнала. Читатели запомнили и его публицистику, и путевые заметки, а авторы по достоинству оценили его редакторское мастерство.

Предлагаем вниманию читателей одну из последних публикаций (на наших страницах) А.Кармена на тему, которая весьма актуальна в год 40-летия военного переворота в Чили.

А.Р.Кармен

Мифотворчество невежд

Сказки дедушки Пиночо и его российских последователей

Произошло то, чего давно ждали, что вот-вот должно было произойти. Умер Пиночет. Прямо по Гарсиа Маркесу: «смерть, о которой знали заранее». А шуму от нее — на весь мир. И особенно у нас, в стране победившего капитализма. Только ленивый не высказался по поводу смерти генерала. Целую неделю наши СМИ наперебой муссировали эту тему, фаршировали ею выпуски теленовостей, радиообозреватели посвящали ей свои передачи, газеты — целые полосы.

За редким исключением (например, публикация в «Известиях», «Постскрипtum» А.Пушкова, «Реальная политика» Г.Павловского и «Вести недели» С.Брилева) нельзя было читать, слушать и смотреть на это без содрогания. Содрогания от, мягко говоря, невладения темой, если не сказать — от откровенного невежества авторов, комментаторов и участников ток-шоу. То, что латиноамериканистика в наших СМИ находится на пещерном уровне, известно давно. Но в эти дни высказывались не какие-то там «тети Маши с улицы», а видные политики, известные обозреватели, политологи, экономисты. Казалось бы, не знаешь — помолчи, не позорься! Куда там!

Что же так взбудоражило умы наших яйцеголовых? Ну, прежде всего, вопрос о том, был ли Пиночет «спасителем нации» или вульгарным путчистом, палачом и преступником, подлежащим суду народов? Далее: стал ли он творцом пресловутого (язык не поворачивается произнести «знаменитого») «экономического чуда»? И, наконец, был ли он «демократом по определению», четко спланировавшим и «в заранее объявленные сроки» осуществившим переход Чили от военного режима к гражданскому, вручившим «под ключ» «благополучную страну» благодарным соотечественникам? Были и вопросы типа «Нужен ли нам Пиночет?» и др.

Попробую и я порассуждать на эти темы и вспомнить то, что увидел и прочувствовал в Чили сам. Для справки могу сказать, что стал первым советским журналистом, приехавшим в Чили при Пиночете: сначала в сентябре-октябре 1988 г. на устроенный им плебисцит по вопросу «Да» — «Нет» пребыванию у власти еще на девять лет, затем неоднократно ездил туда, даже жил там с семьей и присутствовал в дни, когда он сдавал бразды правления избранному народом президенту Патрисио Эйльвину. Без ложной скромности скажу и то, что я стал первым советским журналистом, взявшим интервью у Пиночета (кстати, и у президента Эйльвина тоже), причем это произошло в день и час (в 8 часов вечера 12 декабря 1989 г.), когда его кандидат, настоящий, а не абстрактный «инженер чилийского экономического чуда», Эрнан Бихи Бук потерпел поражение на выборах. То есть, весь этот тернистый «переходный процесс» от диктатуры к демократии происходил практически на моих глазах, и я мог воочию наблюдать все перипетии поистине самоотверженной борьбы чилийцев с Пиночетом и его режимом, общаться со многими участниками и ключевыми фигурами этого процесса. И с жертвами режима — тоже. Наверное, хотя бы в силу этих обстоятельств я имею право высказаться по поводу всего, что происходило у нас в дни прощания с «великим диктатором».

СПАСИТЕЛЬ НАЦИИ

Впервые же мне довелось оказаться в Чили еще во времена президента Сальвадора Альенде. Это были мои первые поездки за рубеж, в «мою» Латинскую Америку в качестве спецкора «Известий». До сих пор помню вплоть до малейших деталей все обстоятельства тех командировок: счастливые лица простых чилийцев, получивших, наконец, возможность жить и работать на себя, вдоволь кормить своих детей, трудиться на «своих» (брошенных саботажниками-хозяевами и поэтому национализированных) текстильных фабриках, на тоже национализированных, а фактически выкупленных у американцев месторождениях меди, в мастерских, аграрных кооперативах.

Но я помню и то, как ощетинились улицы Сантьяго так называемыми «кастрюльными маршами» домохозяек — жительниц «чилийской Рублевки», которым якобы было нечего есть («львицы проголодались» — так саркастически комментировал подобные вылазки мой отец Роман Кармен в фильме «Пылающий континент»), как бесчинствовали на главном проспекте столицы Аламеда Бернардо О'Хиггинс погромщики из фашистской организации «*patria y libertad*» («родина и свобода»), как буквально парализовали страну бастовавшие (на деньги ЦРУ — вскоре это стало известно) владельцы и водители трейлеров — основного грузового транспорта Чили, как чуть ли не ежедневно страну сотрясали террористические акты: взрывались ЛЭП, мосты, нефтепроводы и другие хозяйственные объекты. В воздухе буквально физически ощущалась надвигающаяся катастрофа. Но катастрофа, вызванная вовсе не «провальной политикой» правительства Народного единства, как это представляют ныне наши доморожденные либералы да реформаторы, сторонники режима Пиночета (до начала кампании обвального саботажа экономика страны стремительно шла в гору: в 1971 г., например, ВВП вырос на 8,5%, промышленное производство — на 12, аграрное — на 6%; безработица сократилась до 3% — все это показатели, невиданные для Латинской Америки

тех лет), а бешеным натиском враждебных Альенде сил — внутренних и внешних, которые объединились в один кулак с целью любыми способами свалить ненавистный им порядок вещей. Это была самая настоящая террористическая война. Фактически противники правительства Альенде «обкатывали» в Чили схемы и методы таких войн, впоследствии в той или иной степени не без успеха применявшиеся в других странах мира вплоть до России.

Время расставляет по своим местам многое. Да, у Альенде и его соратников было немало ошибок. Кто из руководителей любой страны их не совершает! Но мне смешно слышать от наших «знатоков» утверждения о том, что Чили «катилась к коммунизму», что СССР «закачивал туда миллиарды долларов», что в Чили «готовился коммунистический переворот по пражской модели». Москва же так и не решилась на помощь «товарищу президенту» (несмотря на неоднократные просьбы с его стороны). Нельзя сбрасывать со счетов и те поистине грандиозные финансовые вливания на подрывную деятельность, которые осуществлял Вашингтон по всем мыслимым каналам и в первую очередь, разумеется, с помощью ЦРУ. Об этом стало известно лет через 20 после военного переворота. Американцы сами открыли свои секретные архивы, содержание которых потрясло всю мировую общественность. А чего стоит ставшая знаменитой фраза президента США Никсона о том, что следует «заставить экономику Чили кричать от боли»! Нельзя замалчивать и ту «работу», которую вели недавние хозяева этой страны, лишавшиеся бывших привилегий и рычагов управления. «Кастриольные марши» и злобствование фашистов на улицах были всего лишь верхушкой айсберга. На самом деле именно противники Альенде, действуя по принципу «чем хуже, тем лучше», полностью дестабилизировали экономику, увели из Чили все капиталы, искусственно создали так называемое «десабаестесимьенто» — перебои в снабжении населения, хотя **их** закрома буквально ломились от продуктов и товаров первой необходимости, и это не раз всплывало на поверхность. Добавить к этому устроенное Уолл-стритом падение мировых цен на медь, селитру и рыбную муку, составлявшие основу чилийского экспорта, установленный тотальный запрет на кредиты международных финансовых организаций и т.д., и т.п. И все же, несмотря на обрушившиеся на чилийцев невзгоды, они продолжали поддерживать правительство С.Альенде. На состоявшихся незадолго до переворота парламентских выборах большинство избирателей проголосовали за кандидатов коалиции Народное единство, и «товарищ президент» готовил референдум о доверии своему правительству, исход которого можно было предвидеть: он был бы явно не в пользу деструктивных сил.

К военному перевороту Чили подталкивали все: и левые экстремисты, стремившиеся радикализировать и ускорить революционный процесс, и те, кто в стране и за рубежом опасался, как они говорили, «появления второй Кубы». На ком лежит большая вина, однозначно не ответишь. Многие все-таки склоняются к тому, что именно на вторых. И уж конечно ответственность за случившееся 11 сентября 1973 г. несет вовсе не правительство Народного единства, а все участники событий тех лет, и трезвые головы в Чили — как правые, так и левые, и центристы, и даже здравомыслящие военные — давно это осознали, обсудили и дали свою оценку. Но только не у нас. Здесь по-прежнему талдычат о «спасении страны от коммунизма», о «великой освободительной миссии Пиночета».

«Любую демократию периодически нужно купать в крови». Это слова Пиночета. «Два года я вел войну с Кубой и Советским Союзом, а в любой войне имеются жертвы, пленные и пропавшие без вести», — так не раз говорил он сам, «оправдывая» преступления своего режима. За те «два года», которые фактически растянулись на полтора десятилетия его правления, только по официально признанным данным, в Чили были уничтожены более 3 тыс. человек (национальный секретарь чилийской Комиссии по правам человека Херман Молина говорил мне в 1989 г., что это всего лишь пропавшие без вести, на самом же деле число убитых за 15 лет диктатуры превышает 15 тыс., другие называют более 30 тыс., а последние убийства противников режима совершались уже при мне: убивали журналистов, активистов возрождавшихся профсоюзов), десятки тысяч прошли через камеры пыток, где над ними издевались самыми изощренными способами, каждый десятый чилиец вынужден был эмигрировать.

Да, в отличие от наших вождей, Пиночет ни разу не поставил ни своей подписи, ни наложил резолюции под «расстрельными» списками. Это так. Но все, что происходило в стране, буквально все, совершалось с его ведома. «У нас ни один листок не шелохнется, ни одна птичка не взлетит без его ведома и разрешения» — это самая расхожая фраза в пиночетовской Чили. Признал это и сторожевой пес режима генерал Мануэль Контрерас, глава созданной им ДИНА — Национального разведывательного управления, а по сути дела охраны, по заслугам названной «чилийским гестапо». ДИНА уничтожала как «внутренних» врагов, так и «внешних», вернее, тех чилийцев, кто оказался за рубежом. Это была четко спланированная и так же четко претворявшаяся в жизнь **практика международного терроризма**. Так в самой Чили был уничтожен генерал Альберто Бачелет, отец нынешней главы государства. В Буэнос-Айресе был взорван автомобиль покинувшего страну бывшего командующего армией, а затем министра внутренних дел в правительстве Народного единства генерала-патриота Карлоса Пратса, отчаянно, но, увы, безуспешно пытавшегося отгородить вооруженные силы от политики (кстати, именно Пратс рекомендовал Пиночета на свой пост, квалифицируя его как военного, «который дал столько доказательств своей верности»). Таким же образом в Вашингтоне был убит бывший министр иностранных и внутренних дел, представитель Чили в ООН Орландо Летельер. Кто уничтожил его, никогда и ни для кого не было секретом, но механизм и тайные нити заговора стали полностью известны чуть позже, и только тогда генерал-фашист М.Контрерас угодил в тюрьму, потому что скрывать его от правосудия было уже просто невозможно. Фактически он стал козлом отпущения, выгородившим своего хозяина. Но, уже сидя в тюрьме, он «заговорил». А в Италии был убит бывший парламентарий, христианский демократ Бернардо Лейтон, активно боровшийся с диктатурой, спланивавший антипиночетовскую эмиграцию. Всего четыре персонажа, но какие! По заказу ДИНА чилийских патриотов отлавливали в соседних Уругвае, Парагвае, Аргентине, Боливии и либо уничтожали на месте, либо тайком отправляли в застенки ведомства Контрераса. На ниве международного террора в поте лица трудился целый интернационал диктаторов со штаб-квартирой в Асунсьоне (Парагвай).

Немного о «личном». Те, кто смотрел фильм «Пылающий континент», наверняка запомнили эпизод, снятый на медном руднике Чукикамата. Мо-

лодой специалист, выпускник Университета дружбы народов рассказывает о себе: «Меня зовут Ленин, Ленин Диас...». Он был инженером, взявшимся за освоение этого крупнейшего в мире открытого месторождения, бывшей собственности американской ТНК «Анаконда», национализированного правительством Альенде. Я познакомился с Диасом в январе 1972 г. в первый мой приезд в Сантьяго. Вторая встреча с ним состоялась... в марте 1989 г. Делая репортаж из Викариата солидарности, — католической организации, занимавшейся поиском следов пропавших без вести жертв диктатуры, — я увидел на стене огромный плакат с их портретами и именами. В их числе был и Диас. А совсем недавно мне позвонили из чилийского посольства. Туда пришло письмо от родственников Диаса: они узнали, что в фильме «Пылающий континент» есть упомянутый мной эпизод, и захотели (если есть такая возможность) получить копию этой ленты, «чтобы показать детям Диаса, каким был их отец при жизни». Он так и остался пропавшим без вести.

8 часов вечера 12 декабря 1988 г. Первое интервью экс-диктатора советскому журналисту

БЛЕСК И КОШМАРЫ САНТЬЯГО

Центр Сантьяго, каким он представал в конце 80-х годов, на самом деле не мог не радовать глаз, а тех, кто видел его «до», тем более: новые прекрасные здания, отели, шикарные витрины, стерильная, непривычная для Латинской Америки чистота улиц. Но на углу каждого квартала можно было встретить парочку карабинеров двухметрового роста, а в стратегических точках столицы — полицейские автобусы, набитые средствами борьбы с уличными беспорядками. И стоило только возникнуть малейшей потасовке (а протесты против политики и действий властей вспыхивали ежедневно и по несколько раз), как эти ребята тотчас облачались в свои доспехи и крушили всех подряд: молодых и старых, матерей и жен пропавших без вести, выходивших на скорбные молчаливые демонстрации, неся портреты своих пропавших мужей, сыновей, братьев и сестер. Я был свидетелем одной из таких расправ. Молодые, крепкие парни в касках и бронежилетах дубасили несчастных женщин, упавших на землю, пинали сапогами, потом подкатили огромные тупорылые грузовики-цистерны — «уаскары» с водометами. Замелькали маленькие черно-белые полицейские джипы «соррильо» («вонючки») с окошками для выстреливания жутким, удушающим газом, напроочь парализующим дыхательные пути... И вскоре все было кончено. Такое не забывается, как Бабий яр, как печи Освенцима, горы черепов в Майданеке.

Да, на первый взгляд пиночетовский Сантьяго, и особенно его центр, выглядел прекрасным, красивым и приветливым. И страшным. Городом, где люди привыкли к соседству своих палачей, вернее, их заставили при-

выкнуть, принудили, так сказать, к сосуществованию. «Мы молим Бога, чтобы уж если быть арестованным, то людьми в униформе. Тогда можно будет хотя бы навести справки, в какой участок увезли, в какую тюрьму бросили, добиться свидания. Если же человека хватают агенты, одетые в штатское, это может означать все что угодно — пытки, убийство, исчезновение, никаких следов...». Так говорили мне в одном из поселков нищеты, окружавших этот сверкавший благополучием «продвинутый» центр столицы.

В такой поселок — всего-то минут двадцать на автобусе от «Ла Моне-ды» — меня однажды пригласили отметить 8 марта. Впервые за 16 лет женщины позволили себе роскошь устроить праздник. До этого просто выживали. Оставшись без работы и средств к существованию, они создали в поселке так называемый «оля комун» — общий котел, куда приносили кто, что мог, и таким образом помогали друг другу прокормить своих детей, не умереть с голоду самим, продержаться, дожить до победы. И вот прямо на улице они расставили столы, каждая хозяйка приготовила какую-то, пусть весьма скромную, но по их меркам «праздничную» еду, все собрались порадоваться, повеселиться. Но праздника в полном смысле этого слова не получилось: невольно стали поминать погибших, пропавших без вести, изувеченных в тюрьмах. И вдобавок вокруг черными хищниками кружили по соседним улочкам две полицейские машины, намеренно гудя моторами, то и дело подавая сигналы клаксонами да сиренами. Грустный был праздник. И так жило большинство населения страны.

ЭФФЕКТИВНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

При С.Альенде людей стали переселять в новые дома. Заработал подаренный и построенный Советским Союзом комбинат панельного домостроения. Появились первые поселки сборных домов, которые для их обладателей выглядели настоящими хоромами. До этого они жили в кубах, скроенных из досок, кусков картона и гофрированного железа, разумеется, без водопровода (один кран на полпоселка) и канализации. Пиночет тоже стал переселять людей в новые дома. В народе эти новостройки тотчас окрестили «сама сон байо» («кровать с унитазом»): деревянные домишки — не повернешься, промерзающие зимой и раскаляющиеся до невозможности летом. И к тому же обладатель такой халупы становился чуть ли не пожизненным должником построивших ее промышленно-финансовой структуры. Чем не «потемкинские деревни»?

При Пиночете за чертой бедности оказалось две трети населения Чили. Статистика эта официальная, в том числе и ооновская. В некоторые годы безработица превышала 30%. Запрещение некогда самых сильных в Южной Америке профсоюзов и отсутствие мало-мальской социальной защиты полностью отдавали работников на произвол алчных предпринимателей-реваншистов, словно стремившихся любой ценой восполнить все прибыли, «недополученные» за предыдущие годы. Недовольных тотчас безжалостно выбрасывали на улицу: очередь желающих занять их место была нескончаема.

Да, кое-кто в Чили получил неограниченные возможности для бизнеса, развития передовых методов ведения сельского хозяйства, внедрения новых технологий, в общем, взлетели наверх. Все это имело место. Разве кто-то оспаривает эти достижения! И то, что в страну со второй половины 80-х годов хлынули

триллионные инвестиции, что сбежавшие «от Альенде» капиталы вернулись, что все источники внешнего кредитования, и в первую очередь МВФ, буквально распахнули свои объятия Пиночету (при лицемерном «политическом» неприятии его режима Вашингтоном), цены на медь и селитру стабилизировались и поползли вверх, и т.д., и т.п. И заодно то, что разрыв в доходах между кучкой толстосумов и подавляющим большинством населения стал выше, чем Кордильеры, что в условиях политики «открытых дверей» и «равных возможностей» дешевый импорт задушил местную, когда-то славившуюся на весь континент, легкую промышленность... Примеров уйма.

Никто не оспаривает и то, что сама «шокотерапия», проведенная в таких условиях, не могла не дать результатов. Может быть, единственная заслуга Пиночета и заключалась в том, что он, столкнувшись с полным крахом экономической политики военной хунты, после долгих споров и скандалов все-таки предоставил «свободу рук» команде своего «храброго принца», как он называл 30-летнего министра финансов Эрнана Бихи, кстати, ничего общего не имевшего с «чикаго бойз». Они лишь наблюдали за «чилийским экспериментом» и дружно ему аплодировали. В беседе со мной сам Бихи именно так и оценивал роль диктатора в деле претворения в жизнь задуманных им преобразований: «у него хватило политической воли поддержать нас и наш проект». В условиях абсолютной диктатуры чрезмерно высокая социальная цена этих реформ не принималась во внимание. Драма простых чилийцев не ставилась ни в грош. За спиной реформаторов стоял военный кулак: попробуй пикни! На мой вопрос, насколько решающим был «фактор силы» в деле проведения реформ, Э.Бихи уклончиво, и даже противореча самому себе, ответил: «Те, кто утверждает, будто прочитать весь алфавит либеральных трансформаций можно исключительно под дулом автомата, не верит в силу демократии. Смогла же Англия провести подобные реформы, и ничего! А вот в Аргентине они захлебнулись: помешали профсоюзы и прочие организации социальной защиты. Однако я уверен: лучше потерпеть года три-четыре, но зато получить обновленную страну со здоровой экономикой, чем переживать кризисы один за другим».

А если это «терпение», и к тому же замешанное на повальном, ничем не ограниченном терроре, на крови тысяч людей, голоде и беспросветной нищете большинства населения, **уже длилось более десяти лет?** И если при этом «либеральные трансформации», как уже отмечалось, практически не затронули две трети населения страны, а послужили лишь сказочному и притом стремительному обогащению узкого круга лояльных режиму бизнесменов, банкиров и сросшихся с ними коррумпированных вояк из ближайшего окружения диктатора? Да и о чем говорить, если по общему объему производства и среднему уровню зарплат Чили вышла на уровень начала 70-х годов только к моменту передачи власти гражданскому правительству. А все разговоры о «самой передовой», «самой благополучной» стране континента и ее «самой жизнеспособной экономике» во многом относятся не столько к «эпохе Пиночета», сколько к 15-ти слепопиночетовским годам демократического развития. Не видеть всего этого, ослепнуть от яркого блеска витрин вкупе с действительно впечатляющими, но достигнутыми **столь дорогой ценой** макроэкономическими показателями, мог разве что несмышленный обыватель-турист, либо злонамеренный дезинформатор, но никак не специалист по международным отношениям и тем более уважающий себя политолог.

В самом деле, вновь показанная Михаилом Леонтьевым на 1-м канале идиллическая сценка его интервью с Пиночетом выглядит настолько нелепо, что в иной ситуации даже не нуждалась бы в серьезных комментариях: добрый «дедушка Пиночо» рассказывает сказочки мальчику Мише, и тот, наивный ребенок, убаюканный стариком, млеет под звуки его голоса, заглатывает все, поведанное ему, как истину в последней инстанции. Пиночет и мне рассказывал подобные байки. Беда в том, что, наслушавшись этих сказок, Миша несет их дальше, безапелляционно вещает на всю страну и при этом сетует, что-де не хватает и нам такого Пиночета — крепкого, сурового, честного и неподкупного борца со всеми бедами своей страны от коммунизма до коррупции. Вспомнил хотя бы, что на его кумире висят многомиллионные суммы в золоте и валюте, выведенные из Чили в офшорные зоны и спрятанные в иностранных банках.

Я уже не говорю об уровне дискуссии пропиночетовски настроенных участников программы «Судите сами» (1-й канал, 12 декабря 2006 г.). Спорить с ними, даже заочно, непродуктивно хотя бы потому, что большинство из них в Чили никогда не были, а если и заглядывали, то не дальше все того же блестящего центра. Никто из них не видел эти несчастные поселки нищеты, не видел избиваемых карабинерами вдов и матерей пропавших без вести, никто из них не видел детей, родившихся уродами из-за того, что их беременных матерей пытали в застенках, или женщин, становившихся объектами сексуальных атак специально выдрессированных для этого псов (признаюсь: когда-то и я не верил, что *такое* возможно), юношей, которым в тех же застенках буквально выжигали мозги электротоком, заталкивали в кишки колючую проволоку, сводили с ума нечеловеческой болью. Наплевать «нашим знатокам» и на то, что по сей день то в одном, то в другом месте страны находят безымянные могилы, в которых кучей свалены трупы людей со следами пыток, издевательств и расстрела — пуля в затылке. Но даже сидящий сейчас в чилийской тюрьме бывший бригадный генерал пиночетовской охраны Мигель Краснов-Марченко, дальний родственник небезызвестного пособника Гитлера, атамана Петра Краснова и сын эсэсовца, для участников ток-шоу — всего лишь хранитель традиций российского казачества, достойный восхищения верный борец против коммунизма, не более того. Для чилийцев же он личность одиозная — кровавый палач. Говорю это без тени пафоса и без малейшей натяжки, он действительно был самым добросовестным сотрудником М.Контрераса, одним из немногих, кто «работал» в камерах пыток без маски и был опознан своими жертвами, теми, кому удалось выжить. Не случайно, как раз за эти «подвиги» Пиночет удостоил его высшей награды страны. А сам Пиночет для **этих** участников передачи — все тот же «спаситель нации», и все грехи за зверства и репрессии его режима (откуда они взяли, что это продолжалось не годы, а «все-го каких-то два-три месяца»?!) могут быть ему отпущены, потому что он, видите ли, «поднял страну из хаоса». О времена, о нравы!

ЧЕЛОВЕК СЛОВА, ДЕМОКРАТ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Еще одна сказка, гулявшая по страницам московских газет и в эфире: «Президент Пиночет вручил страну гражданским властям в им же определенные сроки, и, стало быть, он — убежденный демократ». Ну, что тут сказать! Прежде всего, Пиночет никогда не был законным президентом, его на этот пост никто

не избирал и не назначал. Он сам провозгласил себя таковым в декабре 1974 г., стало быть, по всем канонам он просто вульгарный самозванец. Поэтому-то ему и не предоставили посмертные почести, полагающиеся конституционным президентам, а лишь воинские, которые соответствуют его статусу.

Теперь о сроках. Да, формально, он соблюдал все сроки, установленные им самим в **его** же конституции 1980 г. Но есть один нюансик, который наши фанаты Пиночета либо просто не знают, но, сдается мне, что, скорее всего, сознательно замалчивают, и чести им это не делает. После подтасованных результатов референдума по пиночетовской конституции (чтобы убедиться в этом, не нужно иметь семи пядей во лбу, достаточно было видеть, в какой обстановке и как проходил этот референдум, как обвально использовались там пресловутый «административный ресурс» и прочие прелести современных избирательных систем, а я наблюдал все это, сидя у телеэкрана в перуанском городе Такна на самой границе с Чили, где очень легко ловились все телепередачи из Сантьяго) Пиночет возомнил, что написанный им график «перехода к демократии» так и останется на бумаге, и что в октябре 1988 г. ему точно так же удастся сфабриковать результаты плебисцита. Напомню, что на этом плебисците народу предлагалось сказать «Да» или «Нет» его дальнейшему пребыванию у власти. Но народ сказал «Нет»! И тогда этот «демократ по определению», видя, что почва уходит у него из-под ног, задумал установить в Чили военное положение, ввести в столицу войска и отменить результаты плебисцита.

Это произошло часов в восемь вечера 5 октября 1988 г. Страна словно оцепенела. Все наблюдатели и иностранные журналисты сбились с ног, пытаясь выяснить причину прекращения до этого регулярных сообщений ЦИК об идущем подсчете голосов, все сильнее сдвигавшего чашу весов в пользу противников диктатора. Журналисты даже пошли на беспрецедентный шаг: составили петицию к властям и вышли на демонстрацию протеста, требуя гласности и ясности в том, что же происходит. И пока карабинеры мордовали нашу манифестацию, били нас дубинками, поливали из водометов и душили газами, во дворце «Ла Монеда» шло заседание Совета национальной безопасности, где обсуждалось это чудовищное предложение Пиночета. И только решительная позиция остальных членов хунты, выступивших против такого «выхода из положения», их предложение смириться и признать результат волеизъявления народа остановило новую волну террора, которая неизбежно обрушилась бы на эту многострадальную страну. Пиночет сдался. Вот вам и цена кликушества нашей либеральной тусовки, превозносящей диктатора за его «демократические убеждения». Он буквально когтями цеплялся за свой режим, и, не натолкшись на сопротивление своих же коллег по хунте, ни на минуту не остановился бы перед возможностью снова повернуть колесо истории вспять, вновь залить кровью и без того истерзанную страну.

ВОТ БЫ И НАМ ТАКОГО...

И, наконец, последний вопрос, активно мусолившийся в наших славных СМИ: «Нужен ли России свой Пиночет?». В принципе на этот вопрос я ответил. Ответил и Генрих Боровик: «Они (наши сторонники Пиночета. — *А.К.*) не могут представить, как в Сантьяго текла река, красная от крови убитых. Забыли, как раздробили кисти рук чилийскому певцу Виктору Ха-

ра, как практически был убит этим переворотом великий поэт Пабло Неруда». Я мог бы добавить еще десятки имен, известных и не очень, пополнивших мартиролог жертв диктатуры: инженеры, поэты, композиторы, писатели, художники, музыканты, журналисты, военные...

Кого же еще опрашивали у нас на эту животрепещущую тему? Снова политиков, политологов, даже артистов. Мнение последних особенно «авторитетно», эти вообще не смыслят, о чем идет речь, и не в курсе того, что происходило в этой стране. А вот Ирина Хакамада, например, заявила в «Комсомолке»: «нам нужен Пиночет экономический» и мотивировала свои взгляды все той же сказочкой о том, что «он уничтожал любую коррупцию, и власть при Пиночете жила скромно». И это говорится после того, как весь мир уже знает про его спрятанные за рубежом миллионы! «Ваши люди просто сошли с ума, — сказала мне испанская журналистка, шокированная всей этой вакханалией. — В Европе о нем мнение однозначное: преступник!» Что же касается «скромности властей», то это вообще полная чушь. Посмотрела бы наша «демократка», как жили властители этой страны — от госчиновников до членов хунты. По сравнению с их хоромы наша Рублевка — это в лучшем случае та же пиночетовская «кровать с унитазом», не более того. Да, кого-то хватали за руку и там, даже устраивали показательные процессы. Все это до боли знакомо, ведь и у нас тоже изредка случаются суды над коррупционерами.

О мнении М.Леонтьева на эту тему я уже рассказывал. Добавлю только, что с трудом да с ошибками выговоренные им в программе «Однако» два испанских слова «misión cumplida» («миссия выполнена») как апофеоз правления Пиночета действительно были выгравированы на медали, выпущенной в Чили. Но отчеканили ее по приказу самого диктатора, и она была не чем иным, как жестом самовосхваления. И действительно, сам себя не похвалишь... Политолог же, прямо тает от умиления: вот бы и нам такую власть с такой же медалью!

Пиночета ожидал суд, на котором ему наверняка был бы вынесен один из самых жестких приговоров за все зверства, учиненные в годы его диктатуры, а заодно и за казнокрадство. Страна и, как говорят в таких случаях, «все прогрессивное человечество» ждали именно такого вердикта. Потому что для всех здравомыслящих людей он — преступник «номер один». Для всех, кроме наших либеральных демократов да горе-реформаторов, которые, восхваляя Пиночета, пытаются тем самым оправдать все безобразия, устроенные ими в своей стране, в России.

Сбылось предсказание гадалки, много лет назад напророчившей ему «тихую смерть в своей постели». И не так уж важно, что эта постель оказалась больничной койкой. Тихо уйдя из жизни, Пиночет избежал скамьи подсудимых. Как сказал уругвайский писатель Марио Бенедетти, «смерть обогнала правосудие». Но чилийский народ и история успели вынести ему свой приговор, и обжалованию он не подлежит: «Виновен!».

Январь 2007 г.